WOHL LEGACY
Empowering Communities. Transforming Lives.

Благодарим организацию "Уол легаси" (Wohl Legacy) за щедрую спонсорскую поддержку Covenant & Conversation. Морис был дальновидным филантропом. Вивьенн была глубочайше скромной женщиной. Вместе они представляли собой уникальный тандем - преданный своему делу и милосердный, "жить" значило для них "жертвовать".

Возвыситься над своей природой - Beyond Nature

глава «Ноах» - Noach

Каковы мы по своей природе — добры или злы? Великие умы спорили об этом веками. Гоббс считал, что мы от природы склонны испытывать «вечное и беспрестанное желание все большей и большей власти, желание, прекращающееся лишь со смертью»[1]. Мы, люди, злы, но правительство и полиция могут принять меры, чтобы мы приносили меньше вреда. Напротив, Руссо полагал, что мы по своей природе добры, а злыми нас делают общество и его институты[2].

Сегодня этот спор продолжается в кругу неодарвинистов. Одни полагают, что под влиянием естественного отбора и борьбы за выживание мы стали в генетическом отношении воинственными «ястребами», а не кроткими «голубями». Как сформулировал М. Т. Гислен, «поскреби альтруиста, и ты увидишь, что из царапин потечет кровь лицемера»[3]. Напротив, натуралист Франс де Вааль в цикле увлекательных книг о приматах, в том числе о своем любимом биологическом виде — бонобо, показывает, что они способны на сопереживание, заботливость и даже альтруизм. Мы по своей природе тоже на это способны.

Т. Э. Хьюм назвал это коренным отличием романтиков от классицистов на всем протяжении истории. Романтики полагали: «человек по своей природе добр, и только дурные законы и обычаи не дали развиться его доброте. Устраните все эти препоны, и безграничные возможности человека получат шанс на реализацию»[4]. Классицисты придерживались противоположного мнения: «Человек — чрезвычайно застывшее в своем развитии и ограниченное животное, и его природа отличается абсолютным постоянством. Традиции и организационные усилия — единственные средства, которые помогут добиться от него достойного поведения»[5].

В иудаизме, по словам мудрецов, такой же спор случился между ангелами, когда Б-г советовался с ними, следует ли Ему сотворить людей. Ангелы — те самые «мы», подразумеваемые во фразе

[1] Томас Гоббс. Левиафан / Перевод А. Гутермана. — *Примеч. перев.*
[2] См.: Жан-Жак Руссо. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми.
[3] Michael T. Ghiselin. The Economy of Nature and the Evolution of Sex. Berkeley, University of California Press, 1974. P. 247.
[4] T.E. Hulme. Romanticism and Classicism // T.E. Hulme's Selected Writings. Ed. Patrick McGuinness. New York: Routledge. P. 69.
[5] Ibid. P. 70.

«Создадим человека…». Ангелы хеседа (милости) и цедека (справедливости) сказали: «Пусть он будет сотворен, потому что люди делают добрые дела и поступают справедливо». Ангелы шалома (мира) и эмета (истины) сказали: «Не нужно его сотворять, потому что он — сплошная ложь и беспрерывно с кем-то ссорится». Как поступил Б-г? Он все равно создал людей, веря, что мы постепенно станем лучше и наше поведение станет менее разрушительным[6]. Ту же мысль, только в категориях секулярной науки, выдвигает гарвардский нейропсихолог Стивен Пинкер в книге «Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше?»: если взглянуть на человечество в целом и не принимать во внимание очевидные исключения, мы, человечество, стали меньше склонны к насилию.

Тора наводит на мысль, что мы поступаем и разрушительно, и конструктивно, а эволюционная психология объясняет причины этого. Мы рождены для конкуренции и сотрудничества. Жизнь — конкурентная борьба за скудные ресурсы. Поэтому мы ссоримся и убиваем. Но мы выживаем только в составе групп. Если бы не было привычек сотрудничать и доверять, у нас не было бы групп, и мы бы не выжили. Таков один из смыслов фразы в Торе: «Нехорошо человеку быть одному» (Берешит, 2:18). Итак, мы ведем себя и агрессивно, и альтруистично: агрессивно — с людьми со стороны, а альтруистично — с членами нашей группы.

Но Тора слишком глубока, чтобы осмыслять этот вопрос на уровне бородатого анекдота про раввина, который, выслушав обе стороны семейной ссоры, говорит мужу: «Ты прав», и жене: «Ты права», а когда его ученик замечает: «Они оба никак не могут быть правы», отвечает: «И ты тоже прав». Тора излагает задачу, подлежащую решению, но также приводит неочевидный ответ. Эта подсказка помогает нам расшифровать очень тонкий аргумент, проходящий красной нитью через главу прошлой недели и нынешнюю недельную главу.

Изложу главные этапы истории от сотворения мира до Ноаха: в начале Б-г создал вселенную, где царил порядок. Затем Он создал людей, а те создали вселенную, где царил хаос: «…разбоем наполнилась земля» (Берешит, 6:11). Поэтому Б-г, так сказать, «удалил» Свое творение, устроив Потоп, вернув землю в состояние, в котором она была в самом начале, когда «земля была поразительно пуста, и тьма [была] над пучиной, а дух Б-га витал над водой» (Берешит, 1:2). А затем Он начал все сызнова, с Ноахом и его семьей в качестве новых Адама и Хавы и их детей.

Следовательно, Берешит, 8–9 — что-то наподобие второй версии Берешит, 1–3, но есть два отличия. В обоих рассказах семь раз употребляется некое ключевое слово, но в каждом — свое. В Берешит, 1 — слово «хорошо». А в Берешит, 9 — «союз», то есть «завет».

Второе отличие: в обоих рассказах упомянут факт создания людей по образу Б-га, но у каждой фразы свой подтекст. В Берешит, 1 нам сообщают: «И сотворил Б-г человека по Своему образу, по образу Б-га сотворил Он их, сотворил их мужчиной и женщиной» (Берешит, 1:27). А в Берешит, 9 мы читаем: «Если кто-то прольет человеческую кровь, то его [собственная] кровь будет пролита [другим] человеком, ибо человек создан как образ Б-жий» (Берешит, 9:6).

Разница поразительная. Берешит, 1 сообщает мне, что «я» создан по образу Б-га. Берешит, 9 сообщает мне, что «ты», моя потенциальная жертва, создан/а по подобию Б-га. Берешит, 1 сообщает нам о могуществе человека. Мы в силах, сказано в Торе, «владычествовать над рыбами в морях, и над птицами в небе» (Берешит, 1:28). Берешит, 9 сообщает нам о *нравственных ограничениях, наложенных на могущество*. Мы *можем* убивать, но нам *нельзя* это делать. У нас есть могущество, но нет дозволения им пользоваться.

При внимательном чтении этой истории напрашивается предположение: Б-г, создавая людей, верил, что они по *са*мой своей *природе* выберут праведность и добро. У них не было бы необходимости вкушать плод с «древа познания добра и зла», потому что инстинкт побудил бы их

[6] См.: Берешит раба, 8:5.

поступать правильно. Не было бы необходимости в прогнозировании последствий, обдумывании, принятии решений — во всем, что мы ассоциируем с познанием. Люди вели бы себя так, как желанно Б-гу, потому что созданы по Его образу.

Вышло иначе. Адам и Хава согрешили, Каин совершил убийство, и после смены нескольких поколений мир скатился в хаос. И тогда, читаем мы: «Г-сподь увидел, что из-за человека на земле умножается зло и что лишь к злу постоянно направлены все помыслы его сердца. Раскаялся Г-сподь в том, что создал человека на земле, и стало Ему скорбно» (Берешит, 6:6).

Все остальное во вселенной было «тов», хорошим. Но люди по своей природе не «хороши». Вот в чем проблема. А решение проблемы, согласно Торе, — *завет*.

Завет вводит понятие нравственного закона. Нравственный закон — не то же самое, что закон науки. Законы науки — наблюдаемые нами в мире природы закономерности: урони предмет, и он упадет. Нравственный закон — правило поведения: не грабь, не воруй, не обманывай. Законы науки *описывают*, нравственные законы *предписывают*. Если явление природы идет вразрез с современной ему наукой — если это явление «нарушает» закон — это свидетельство ошибочности закона. Вот почему на смену законам Ньютона пришли законы Эйнштейна. Но когда закон нарушается человеком, когда люди грабят, воруют или обманывают, не закон ошибочен, а поступок неправилен. Поэтому мы должны сохранить закон и раскритиковать, а иногда наказать за поступок. Законы науки позволяют нам делать прогнозы. Нравственные законы помогают нам принимать решения. Законы науки приложимы к объектам, не имеющим свободы воли. Нравственные законы заранее предполагают наличие свободы воли. Таково качественное отличие людей от других форм жизни.

Итак, согласно Торе, началась новая эра, стержнем которой была не идея природной доброты, а понятие завета, то есть нравственного закона. Цивилизация началась с переходом от того, что греки называли «физис», то есть от природы, к «номосу» — закону. Поэтому понимание сотворенности «по образу Б-га» так разнится в Берешит, 1 и Берешит, 9. Берешит, 1 рассказывает о природе и биологии. Мы созданы по образу Б-га в том смысле, что можем думать, говорить, планировать, выбирать и владычествовать. Берешит, 9 говорит о законе. Другие люди тоже созданы по образу Б-га. Следовательно, мы должны уважать этих людей, запретив убийство и учредив правосудие. Из этого простого шага родилась нравственность.

Что говорит нам Тора о нравственности?

Первое: нравственность — нечто *всеобщее*. Тора говорит, что завет, который Б-г заключил с Ноахом и в лице Ноаха со всем человечеством, предшествовал Его частному завету, заключенному с Авраамом, а позднее, на горе Синай, с потомками Авраама. *Наша всеобщая человеческая природа предшествует нашим различиям религиозного толка.* Эта истина очень нужна нам в XXI веке, когда насилие сплошь и рядом пытаются оправдать соображениями религии. Берешит сообщает нам, что наши враги — тоже люди.

Во всех обществах существовала и существует нравственность в той или иной форме, но обычно эта нравственность распространяется только на взаимоотношения внутри группы. Враждебность к чужакам — почти всеобщее явление и в царстве животных, и в мире человека. В отношениях между чужаками все решает сила. Как сказали афиняне мелосцам: «Сильные делают то, что хотят, слабые претерпевают то, что должны претерпевать»[7].

[7] Фукидид. История. Мелосский диалог. В переводе Г. Стратановского с древнегреческого фраза выглядит так: «Более сильный требует возможного, а слабый вынужден подчиниться» (Фукидид. История. Л.: Наука, 1981). — *Примеч. перев.*

Идея, что даже у *людей, непохожих на нас, тоже есть права,* идея, что мы должны «любить переселенца»[8] (Дварим, 10:19), показалась бы крайне странной почти всем людям чуть ли не во все эпохи. Понадобилось признать, что Б-г один, что Он имеет верховную власть над всем человечеством («Не один ли Отец у всех нас, не один ли Б-г сотворил нас?» (Малахи 2:10)), чтобы совершить грандиозный прорыв в мышлении: прийти к мысли, что есть всеобщие нравственные принципы, в том числе священность жизни, отправление правосудия и верховенство закона.

Во-вторых, Б-г сам признает, что мы по своей природе не добры. После Потопа Он сказал: «Не буду более проклинать землю из-за человека, ведь с юности побуждения человеческого сердца — зло» (Берешит, 8:21). «Противоядием» от йецер (на раввинистическом иврите это называется «йецер а-ра»), склонности ко злу, является завет.

Это можно обосновать выводами нейропсихологии. У нас есть префронтальная кора — область мозга, которая развилась, чтобы люди смогли думать и поступать обдуманно, учитывая последствия своих поступков. Но эта область мозга медлительнее и слабее, чем миндалевидное тело (то, что еврейские мистики называли «нефеш абеамит» — «животная душа»): область мозга, которая прежде, чем мы успеваем задуматься, диктует нам ответные реакции из категории «бей или беги» — те реакции, без которых люди просто не выжили бы, пока не существовало цивилизации.

Проблема в том, что эти мгновенные реакции могут иметь разрушительный эффект. Они часто влекут за собой насилие — и не только межвидовое (между хищником и добычей), являющееся частью природы, но и преимущественно беспричинное насилие, характерное для жизни большинства общественных животных. Но это не означает, что мы совершаем только дурные поступки. Сопереживание и сострадание так же естественны для нас, как страх и агрессия. Проблема в том, что при общении между людьми подспудный страх таится прямо под поверхностью и создает угрозу всему остальному.

Дэниел Гоулман называет это «захватом миндалевидного тела угонщиками» — по аналогии с захватом самолета. «Эмоции заставляют нас мгновенно насторожиться — “дело срочное” — и диктуют нам план незамедлительных действий, не требующий обдумывания. Эмоциональная составляющая сознания развилась на очень раннем этапе: человек должен был разобраться: “Я это ем? Или оно ест меня?”»[9] Необдуманные поступки часто оказывают разрушительный эффект, потому что их совершают, не учитывая возможных последствий. Потому-то Маймонид утверждал, что многие законы Торы представляют собой упражнение в добродетельности, так как заставляют нас подумать перед тем, как что-то сделать[10].

Итак, Тора говорит нам, что мы по своей природе не добры и не злы, но наделены способностью быть и добрыми, и злыми. У нас есть природная склонность сопереживать и сочувствовать, но есть и еще более сильный инстинкт страха, ведущий к насилию. Вот почему при переходе от Адама к Ноаху Тора переходит от природы к завету, от «тов» к «брит», от могущества к нравственным ограничениям могущества. Одной генетической предрасположенности недостаточно. Нам также нужен нравственный закон.

© Rabbi Sacks • All rights reserved

[8] Отсылка к месту из Торы: «Любите же и вы переселенцев, ведь вы и сами были переселенцами в земле египетской» (Дварим, 10:19). — *Примеч. перев.*
[9] Daniel Goleman. Emotional Intelligence. London, Bloomsbury, 1996.
[10] Ильхот тмура, 4:13.